

Экономическая теория / Economic theory

Редактор рубрики Г. Т. Гафурова / Rubric editor G. T. Gafurova

Научная статья

УДК / UDC 330.101:330.8(470+571)
JEL: A1, B00, B4, B5

<https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.483-501>

В. В. Вольчик¹,
Е. В. Маслюкова¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Идеологии и современное развитие российской экономической науки

Контактное лицо:

Вольчик Вячеслав Витальевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета, Южный федеральный университет
E-mail: volchik@sfedu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>
Web of Science Researcher ID: K-7832-2012
eLIBRARY SPIN-код: 2539-2890

Маслюкова Елена Васильевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической кибернетики экономического факультета, Южный федеральный университет
E-mail: maslyukova@sfedu.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>
Web of Science Researcher ID: K-7143-2016
eLIBRARY ID: SPIN-код: 5309-8654

Аннотация

Цель: выявление перспектив развития российской экономической науки на основе анализа идеологически окрашенных теоретических нарративов в академическом дискурсе. Исследование опирается на традицию Й. Шумпетера, рассматривающего идеологию как неизбежный «донаучный когнитивный акт», и концепцию идеальных типов М. Вебера, что позволяет выйти за рамки упрощенного дуализма «рыночный либерализм – интервенционистский социализм».

Методы: эмпирическую базу составили данные качественного исследования, проведенного в 2025–2026 гг. Было собрано 35 глубинных интервью и проведено три фокус-группы (всего 59 респондентов) с представителями российской экономической науки из различных федеральных округов, имеющими ученые степени и представляющими как университетскую среду, так и академические институты РАН. Анализ транскриптов осуществлялся с применением комплексного подхода, объединяющего компьютерную лингвистику и машинное обучение (библиотеки *PyMorphy3*, *NLTK*, *Scikit-learn* для лемматизации, токенизации, фильтрации стоп-слов, построения LDA-моделей и расчета *TF-IDF*), что позволило выделить устойчивые смысловые паттерны (биграммы и триграммы) и тематические блоки.

Результаты: в дискурсе российских ученых-экономистов идентифицированы ключевые тематические кластеры, среди которых: кризис самоопределения науки и поиск национальной идентичности, противостояние идеологической нейтральности и ценностного подхода, проблемы социальной справедливости и неравенства, цивилизационная специфика России, экологическая ответственность (*ESG*-повестка), а также вопросы технологического суверенитета и региональной специфики. Частотный анализ показал, что наиболее устойчивыми смысловыми конструкциями являются «российская экономическая наука» и «экономическая идеология». Выявлены контрастные позиции респондентов: неравенство трактуется одновременно как стимул экономического развития и как угроза социальной стабильности, а идеология «особого пути» вызывает как критику (отрицание магистрального пути модернизации), так и признание культурно-цивилизационной специфики России.

Научная новизна: в работе предложена систематизация идеологически окрашенных нарративов в российской экономической науке с использованием широкой типологии идеальных типов (включающей, помимо неоллиберализма и социализма, экологизм, особый путь и дирижизм), а не традиционного дуалистического подхода. Также выделены восемь тематических блоков, позволяющих систематизировать высказывания информантов и показать на их основе, как теоретические нарративы связаны с различного рода высказываниями об идеологии. Новизна заключается также в выявлении перспектив развития российской экономической науки в контексте формирования конструктивной повестки.

Практическая значимость: понимание спектра идеологических установок, циркулирующих в среде экспертов, позволяет повысить качество общественных дискуссий о реформах, а также способствует разработке более сбалансированной и научно обоснованной экономической политики.

Ключевые слова:

экономическая теория, идеология, экономические идеологии, теоретический нарратив, конструктивная повестка, российская экономическая наука

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/>, «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

Как цитировать статью: Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В. (2026). Идеологии и современное развитие российской экономической науки. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 483–501. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.483-501>

Scientific article

V. V. Volchik¹,
E. V. Maslyukova¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ideologies and modern development of the Russian Economics

Contact:

Vyacheslav V. Volchik, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Economic Theory of the Faculty of Economics, Southern Federal University

E-mail: volchik@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0027-3442>

Web of Science Researcher ID: K-7832-2012

eLIBRARY SPIN-code: 2539-2890

Elena V. Maslyukova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Economic Cybernetics of the Faculty of Economics, Southern Federal University

Email: maslyukova@sfedu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9918-3040>

Web of Science Researcher ID: K-7143-2016

eLIBRARY ID: SPIN-code: 5309-8654

Abstract

Objective: to identify the prospects for the Russian economic studies development based on the analysis of ideologically colored theoretical narratives in academic discourse. The research is based on the tradition of J. Schumpeter, who considered ideology as an inevitable “pre-scientific cognitive act”, and the concept of ideal types by M. Weber. This allows going beyond the simplified “market liberalism – interventionist socialism” duality.

Methods: the empirical base relies on a qualitative study conducted in 2025–2026. Thirty-five in-depth interviews were conducted. Three focus groups (59 respondents in total) comprised representatives of Russian economic science with academic degrees from various federal districts, universities and academic institutions of the Russian Academy of Sciences. Transcripts were analyzed using an integrated approach combining computational linguistics and machine learning (*PyMorphy3*, *NLTK*, and *Scikit-learn* libraries for lemmatization, tokenization, stopword filtering, building *LDA* models, and calculating *TF-IDF*). This allowed identifying stable semantic patterns (bigrams and trigrams) and thematic blocks.

Results: key thematic clusters in the discourse of Russian economic scientists were identified, including: the crisis of science’s self-determination and the search for national identity; opposition to ideological neutrality and a value-based approach; problems of social justice and inequality; Russia’s civilizational specifics; environmental responsibility (*ESG* agenda); issues of technological sovereignty and regional specifics. Frequency analysis showed that the most stable semantic constructions are “Russian economics” and “economic ideology”. Contrasting positions of the respondents were revealed: inequality is interpreted both as an incentive for economic development and as a threat to social stability; the “special path” ideology causes both criticism (denial of the main path of modernization) and recognition of the cultural and civilizational specifics of Russia.

Scientific novelty: the paper proposes a systematization of ideologically colored narratives in Russian economic science using a broad typology of ideal types (including, in addition to neoliberalism and socialism, environmentalism, “a special path”, and dirigisme), rather than the traditional dualistic approach. We also distinguish eight thematic blocks that allow systematizing the statements and showing how theoretical narratives are related to various kinds of statements about ideology. The novelty also lies in identifying the prospects for the Russian economic science development in terms of forming a constructive agenda.

Practical significance: understanding the range of ideological attitudes circulating among experts makes it possible to improve the quality of public discussions on reforms, as well as contributes to the development of a more balanced and scientifically sound economic policy.

Keywords:

economic theory, ideology, economic ideologies, theoretical narrative, constructive agenda, Russian economic science

Financial Support

The research was carried out with the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> / “The Ideological landscape of the Russian Economics” at Southern Federal University.

For citation: Volchik, V. V., & Maslyukova, E. V. (2026). Ideologies and modern development of the Russian Economics. *Russian Journal of Economics and Law*, 20(3), 483–501. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2026.3.483-501>

Введение

В экономической теории идеология рассматривается чаще как нечто, что мешает развитию научного знания. Поэтому в дискурсе ученых-экономистов присутствует нарратив о необходимости «деидеологизации» экономической науки (Ядгаров, Орлова, 2022). В данной работе мы рассматриваем идеологию в контексте создания научного знания в традиции Й. Шумпетера, который делал акцент на невозможности полностью устранить идеологическое влияние в исследовательском процессе: «Донаучный когнитивный акт, являющийся источником наших идеологий, служит также предварительным условием наших научных исследований. Никакое новшество в науке без него невозможно. Благодаря ему мы получаем новый материал для наших научных начинаний и то, что мы формулируем, защищаем, критикуем. Наш арсенал фактов и инструментов расширяется и обновляется в этом процессе. Так что, хотя идеологии замедляют наше продвижение вперед, без них мы бы вообще никуда не продвинулись» (Шумпетер, 2012. С. 264).

Поэтому само восприятие «взаимосвязанных явлений» в шумпетерианской традиции подвержено априорным идеологическим установкам: «Как только мы признаем возможность наличия идеологических предубеждений,

становится легко их обнаружить. Все, что надо сделать, – это внимательно рассмотреть научную процедуру. Она начинается с восприятия взаимосвязанных явлений, которые мы намерены анализировать, и заканчивается (на сегодняшний день) созданием научной модели, в которой эти явления концептуализированы, а соотношения между ними точно сформулированы либо как допущения, либо как утверждения (теоремы)» (Шумпетер, 2012. С. 253).

Для того чтобы понять, какие идеологические установки влияли или влияют на получение научного знания в сфере социальных наук, изучающих хозяйственные процессы, можно применить концепт идеальных типов М. Вебера: «Одно и то же историческое явление может, например, в одном из своих аспектов быть феодальным, в другом – патримониальным, в третьем – бюрократическим, а еще в каком-то – харизматическим. Чтобы все эти характеристики понимались однозначно, социолог должен создавать чистые (идеальные) типы соответствующих образований, каждый из которых должен обладать логической цельностью при максимальной смысловой адекватности. В реальности такой идеальный чистый тип настолько же маловероятен, как и физическая реакция, рассчитанная при условии абсолютно пустого пространства» (Вебер, 2016. С. 80–81). Использование концепта идеальных типов в социальных науках помогает акцентировать и выделить специфические черты, релевантные поставленным исследовательским задачам: «...термины “laissez-faire” и “либерализм” используются в качестве идеальных типов, т. е. термин не обозначает точно реальность такой, как она есть или была, а сознательно подчеркивает определенные черты, соответствующие целям изложения и господствующим в нем оценкам. Без выделения таких идеальных типов, необходимых для понимания противоречий, было бы невозможно доказать свою точку зрения в политической дискуссии» (Манхейм, 2010. С. 695). Таким образом, мы можем выделить идеальные типы экономических идеологий, которые позволяют выйти за пределы традиционного дуализма рыночного либерализма и интервенционистского социализма (коммунизма). Выделение идеальных типов позволяет учесть разнообразие идеологий, которые могут также рассматриваться как «общие рамки ментальных моделей, обеспечивающие как интерпретацию окружающей среды, так и предписания относительно того, как эта среда должна быть упорядочена» (North, 1994. Р. 363).

Современные исследования хозяйственных идеологий за рубежом чаще всего концентрируются вокруг вопросов дуалистического анализа идеологических направлений: либерального (близкого к классическому либерализму) и нелиберального в контексте политических предпочтений (Klein, 2013). В новейшем исследовании идеологических установок экономистов в Уругвае используется все тот же дуалистический подход правые/левые, более прорыночные/менее прорыночные, в контексте проблематики неравенства и дискриминации (расовой и гендерной) (Amarante et al., 2026). Также подчеркивается важность ценностей и убеждений при анализе идеологий в контексте влияния на экономический анализ и рекомендации по политике: «Идеологические убеждения, по-видимому, формируют как то, как экономисты диагностируют экономические условия, так и то, как они оценивают политические меры, показывая, что предположительно объективные, технические оценки переплетаются с ценностными суждениями и политическими ориентациями (Amarante et al., 2026. Р. 16). В российской научной традиции также часто используется подобный подход, где разнообразие идеологий сводится к конкуренции двух типов: «Идеологии свободного рынка и государственного вмешательства находились в постоянной конфронтации на поле экономической политики» (Автономов, 2026. С. 40).

Экономическое или хозяйственное знание формируется в процессе конкуренции различных парадигм и школ. В этой конкуренции есть безусловные лидеры и аутсайдеры. Лидеры составляют мейнстрим, а аутсайдеры в своем большинстве могут быть отнесены к гетеродоксальным экономическим теориям. В такой конкуренции в рамках экономического знания значительную роль играет идеология или идеологии, даже если официально декларируется деидеологизированность «настоящей» экономической науки. Академическая элита, которая чаще всего соотносится с мейнстримом, обеспечивает свое доминирование, в частности, следованием определенным идеологическим рамкам и, напротив, гетеродоксальные направления связаны с большим идеологическим разнообразием (Reinke, 2023).

В российской экономической социологии широкое распространение получила классификация хозяйственных идеологий В. В. Радаева, которая включает четыре идеологии: «демократизм», «консерватизм», «либерализм» и «социализм» (Радаев, 2005). Подобный подход к исследованию и классификации идеологий выходит за рамки часто используемых дуалистических классификаций. Дуалистические классификации, по сути, основаны на подходе, который связан с политическим разделением на правую и левую идеологии. В таком контексте экономические идеологии рассматриваются в двумерном пространстве предпочтений и ценностных установок «равенства» или «неравенства» (Johnston & Ollerenshaw, 2020). Также дуалистиче-

ский подход может рассматриваться в координатах близости к идеалам классического либерализма (например, в исследовании идеологических предпочтений нобелевских лауреатов по экономике они распределены по двум группам: «стал более классическим либералом» и «стал менее классическим либералом» на протяжении всей своей научной карьеры) (Klein, 2013). Двойственный подход к экономическим идеологиям понятен и удобен, если рассматривать экономические системы в координатах капитализма и социализма и, следовательно, в «идеологических карикатурах (капитализм против социализма)» (Rosefielde, 2022. Р. 76). Однако современные вызовы, связанные с фундаментальными политическими, экономическими, технологическими и экологическими изменениями, вызывают повышенный интерес к сравнительным исследованиям к конкуренции экономических идеологий и систем (Gardner, 2022. Рр. 179–180).

Использование концепции идеальных типов идеологий, выходящих за рамки дуализма правые/левые, более классические либералы/менее классические либералы, позволяет расширить анализ с учетом влияния ценностей, убеждений (Javdani & Chang, 2023) и «фундаментальных парадигм» (Samuels, 1992) на частные темы экономических исследований. В ходе нашего исследования мы показываем, как восприятие современного состояния российской экономической науки связано с использованием в явном или неявном виде пяти идеальных типов идеологий.

В научном и общественном дискурсах идеальные типы идеологий могут быть связаны с теоретическими нарративами, которые широко анализируются в рамках нарративной экономики: «Если говорить о нарративах в сфере экономики, нарратив может представлять собой протоэкономическую модель, доступную для понимания широкой общественности» (Shiller, 2019. Р. 477). В данной работе мы концентрируем внимание на исследовании теоретических нарративов в дискурсе ученых-экономистов для получения понимания перспектив развития российской экономической науки в контексте формирования конструктивной повестки. Разработка конструктивной повестки связана с прагматичным подходом, учетом исторических особенностей, существующих институтов и культуры, а также адаптацией современных достижений науки к решению конкретных практических задач. Поэтому конструктивная повестка по определению не универсальна, а имеет адаптивный характер.

Таким образом, цель настоящей работы – определить перспективные направления развития российской экономической науки, опираясь на анализ идеологически окрашенных теоретических нарративов в академическом дискурсе. Для ее достижения мы используем расширенную типологию идеальных типов идеологий (включающую не только неолиберализм и социализм, но и дирижизм, экологизм и идеологию особого пути), что позволяет преодолеть упрощенный дуализм рыночного либерализма и интервенционистского социализма. На основе качественных данных (интервью и фокус-групп) мы выделяем устойчивые тематические блоки и показываем, как теоретические нарративы соотносятся с идеологическими установками ученых. Такой подход дает возможность не только зафиксировать текущий спектр мнений, но и наметить контуры конструктивной повестки, сочетающей прагматизм, учет институциональной траектории и адаптивность к современным вызовам.

Результаты исследования

Идеальные типы идеологий в российской экономической науке и конструктивная повестка

В предыдущих наших работах (Вольчик и др., 2024; Вольчик, 2025) мы выделили пять идеальных типов идеологий, которые соотносятся с основными ценностями и «общими рамками ментальных моделей» российских экономистов (табл. 1).

Почему необходимо изучение идеальных типов идеологий на современном этапе в более расширенном варианте, чем дуализм плана и рынка? Ответ на этот вопрос мы рассматриваем в контексте выработки конструктивной идеологии, которая может быть комбинациями различных идеальных типов при доминировании одного из них. И если идеологическое влияние невозможно полностью элиминировать, то исследование идеологических типов дает нам более богатую картину, даже в случае когда мы рассматриваем идеологии как «искажения» в «научно обоснованных» программах развития. Идеология как тип искажений довольно распространена в ментальных моделях современных экономистов. Например, нобелевский лауреат Д. Аджемоглу рассматривает ее как один из источников искажений в развитии технологий: «Один из потенциально важных типов искажений возникает из-за представлений (*visions*), убеждений (*beliefs*), модных веяний (*fads*) и идеологий» (Acemoglu, 2023. Р. 12).

Таблица 1. Пять идеальных типов экономических идеологий
Table 1. Five ideal types of economic ideologies

Идеология / Ideology	Основная ценность / Key value
Неолиберализм / Neoliberalism	Рыночная эффективность / Market efficiency
Социализм / Socialism	Равенство и справедливость / Equality and justice
Дирижизм / Dirigisme	Планирование, ведущее к благосостоянию / Planning for prosperity
Особый путь / Special path	Национальная идентичность / National identity
Экологизм / Ecologism	Сохранение окружающей среды для потомков / Preserving environment for the descendants

Конструктивная идеология может базироваться на концепте адаптивной эффективности Д. Норта. В процессе создания конструктивной идеологии важно понимать, что наши возможности по созданию желаемого хозяйственного порядка ограничены текущим состоянием институциональной среды и особенностями предыдущего экономического развития. Поэтому адаптивная эффективность может быть полезна в эволюционном контексте при анализе изменений комбинаций идеальных типов идеологий в контексте «общих рамок ментальных моделей», которые используются в научном дискурсе.

Конструктивная идеология в контексте адаптивной эффективности может рассматриваться как основанная на прагматизме комбинация идеальных идеологических типов. Разнообразие «ментальных моделей» позволяет видеть и учитывать наибольшее количество альтернатив: «адаптивно эффективная траектория допускает максимально широкий набор альтернатив в условиях неопределенности, допускает экспериментирование “методом проб и ошибок” и создает эффективные механизмы обратной связи, позволяющие выявить сравнительно неэффективные решения и больше не повторять их» (Норт, 1997. С. 128).

Конструктивная идеология не является чем-то постоянным и неизменным. Важным в формировании конструктивной идеологии является акцент на историческую траекторию развития хозяйственного порядка, что также значимо в рамках концепта адаптивной эффективности: «Понятие эффективности распределения ресурсов отличается тем, что предполагает возможность достижения стандартного неоклассического критерия Парето. Адаптивная же эффективность относится к правилам, формирующим направление развития экономической системы во времени» (Норт, 1997. С. 106).

Использование широкой типологии идеальных типов идеологий позволяет соотносить различные исторические периоды экономического развития с доминированием той или иной идеологии. Также важно понимать, что адаптация к экономическим и политическим вызовам и институциональным изменениям требует определенной идеологической гибкости.

Экономическая идеология как совокупность ментальных моделей и донаучный когнитивный акт может также приводить к ситуации догматической концентрации на единственно верных и научно обоснованных вариантах развития, основанных на «мировом опыте». И здесь очень важно подчеркнуть, что альтернативная догматической конструктивная повестка предполагает гибкость, прагматизм и адаптивность. Такой конструктивный подход к экономической идеологии вполне согласуется с институционалистским концептом адаптивной эффективности, предполагающим, что в условиях неопределенности возрастает значимость возможности гибкого «экспериментирования» в зависимости от исторических и национальных особенностей: «Адаптивная эффективность связана с наличием институциональной структуры, которая перед лицом хронической неопределенности, присущей незрелому миру, гибко использует всевозможные варианты решения новых проблем, постоянно возникающих с течением времени. В свою очередь, эта институциональная структура связана с такой системой убеждений, которой свойственно разрешать и поощрять эксперименты и в то же время отказываться от неудачных решений» (North, 2005. P. 154). Примером гибкости в осуществлении экономических реформ могут служить рыночные преобразования в Китае с 1978 г., которые позволили создать конкурентоспособную экономику с учетом национальных особенностей и выстроить институты, обеспечивающие управляемость и стабильность хозяйственного порядка (Weber, 2021; Попов, 2025).

Негативное отношение экономистов к идеологии обусловлено ее искажающими эффектами при восприятии и исследованиях тех или иных хозяйственных явлений. Верования людей значительно влияют на их

поведение и возможности рационального анализа экономического выбора (Akerlof & Dickens, 1982). Идеологии могут также восприниматься как разновидность верований, которые мешают адекватному восприятию действительности и существенно влияют на экономическое поведение и решения, которые принимают индивиды (Тамбовцев, Валитова, 2026. С. 31), поэтому фокус исследования смещается с экономических идеологий на политические. Более того, существует точка зрения, что экономические идеологии лучше всего рассматривать в рамках рыночного или интервенционистского хозяйственных порядков по аналогии с правыми и левыми политическими идеологиями (Bénabou, 2008). Подобным образом можно ассоциировать экономические идеологии, например, особого пути с другой разновидностью «тощей» политической идеологии – популизмом (Тамбовцев, 2026). Однако такие подходы в явном и неявном виде предполагают, что существует идеал «научно обоснованной» экономической политики, где идеология скорее препятствует достижению эффективных результатов.

Необходимо понимать, что любая идеология транслирует определенную абстракцию, которая формирует одностороннее понимание социальных процессов. Поэтому критика идеологического влияния, например, на разработку стратегий социально-экономического развития (Полтерович, 2017) связана именно с негативным влиянием односторонней идеологизированной позиции в противоположность системному пониманию реформ (Вольчик, Кот, 2025). Поэтому мы рассматриваем конструктивную идеологическую повестку как определенную комбинацию идеальных идеологических типов. Важно понимать, что «деидеологизированный» взгляд на развитие экономической науки сопряжен с двумя крайними позициями по отношению к идеологии в экономической науке. Первая направлена на элиминирование идеологии как ненаучного знания. Вторая сводит идеологию к «наивной», или «народной», экономической теории (Тамбовцев, Валитова, 2025, 2026). Поэтому определенные упрощения сложной картины мира, свойственные любой идеологии, должны учитываться в дискуссиях о развитии экономического знания и при создании конструктивной идеологической повестки.

Эмпирическая база исследования

Источником данных для анализа послужили серия из глубинных интервью и фокус-групп с представителями российской экономической науки (табл. 2). С апреля по июль 2025 года было проведено 35 интервью. Фокус-группы проводились с апреля по июнь 2026 года, всего было проведено три фокус-группы по восемь человек: одна фокус-группа проводилась очно, а две – в онлайн-формате. Средняя продолжительность фокус-группы – 1 ч 40 минут.

Для интервью были отобраны респонденты преимущественно с ученой степенью в области экономических наук ($N = 31$), однако из-за разнообразия предметного поля экономической науки было опрошено четыре ученых-экономиста с научными степенями по другим дисциплинам: в области физико-математических наук – 2, исторических наук – 1, социологических наук – 1. В фокус-группах приняли участие 23 респондента с ученой степенью в области экономических наук и 1 ученый-экономист со степенью по историческим наукам.

Отбор информантов осуществлялся до достижения точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (*peer-referrals constituting network sampling*), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (*targeted samples*) (Watters & Biernacki, 1989; Heckathorn & Cameron, 2017). Данный подход был выбран, так как для проведения качественного исследования наиболее предпочтителен целевой отбор, при котором «для изучения отбираются те единицы анализа, которые обладают наибольшим количеством насыщенной информации, позволяющей ответить на исследовательские вопросы» (Ваньке и др., 2020. С. 36). Интервью и фокус-группы проводились до достижения точки насыщения, когда количество получаемой новой информации делает дальнейшее проведение сбора данных нецелесообразным (Квале, 2003. С. 106).

Для оценки качества и надежности нашего качественного исследования мы следовали критериям достоверности (*credibility*), переносимости (*transferability*), надежности (*dependability*) и подтверждаемости (*confirmability*), предложенным Линкольном и Губой (Lincoln & Guba, 1985) и подробно описанным в современных руководствах по проведению качественных исследований (Enworo, 2023; Martínez-Angulo et al., 2024). Достоверность (*credibility*) достигалась за счет триангуляции источников (сопоставление данных из разных федеральных округов, возрастных и статусных групп) и методов (интервью и фокус-группы). Насыщенность (*saturation*) была зафиксирована после 30-го интервью, когда повторяемость ключевых тем перестала приносить новое содержательное знание; дальнейшие интервью и фокус-группы подтвердили устойчивость

Таблица 2. Характеристики респондентов интервью и фокус-групп
Table 2. Characteristics of respondents and focus groups

Характеристика / Characteristic	Интервью / Interviews	Фокус-группа / Focus group
Географическая / Geography	ЦФО – 9 чел. СЗФО – 5 чел. ЮФО – 6 чел. СКФО – 1 чел. ПФО – 6 чел. УФО – 2 чел. СФО – 4 чел. ДФО – 2 чел. / Central Federal District – 9 people North-Western Federal District – 5 people Southern Federal District – 6 people North Caucasus Federal District – 1 person Volga Federal District – 6 people Ural Federal District – 2 people Siberian Federal District – 4 people Far Eastern Federal District – 2 people	ЦФО – 6 чел. СЗФО – 2 чел. ЮФО – 8 чел. СКФО – 2 чел. УФО – 1 чел. СФО – 5 чел. / Central Federal District – 6 people North-Western Federal District – 2 people Southern Federal District – 8 people North Caucasus Federal District – 2 people Ural Federal District – 1 person Siberian Federal District – 5 people
Возрастная / Age	До 35 лет – 8 чел. 36–59 лет – 17 чел. Старше 60 лет – 10 чел. / Younger than 35 y.o. – 8 people 36–59 y.o. – 17 people Older than 60 y.o. – 10 people	До 35 лет – 1 чел. 36–59 лет – 16 чел. Старше 60 лет – 7 чел. / Younger than 35 y.o. – 1 person 36–59 y.o. – 16 people Older than 60 y.o. – 7 people
Гендерная / Gender	Мужчины – 16 чел. Женщины – 19 чел. / Men – 16 people Women – 19 people	Мужчины – 11 чел. Женщины – 13 чел. / Men – 11 people Women – 13 people
Научная степень / Scientific degree	Кандидаты наук – 21 чел. Доктора наук – 14 чел. / Cand. Sci. – 21 people Dr. Sci. – 14 people	Кандидаты наук – 16 чел. Доктора наук – 8 чел. / Cand. Sci. – 16 people Dr. Sci. – 8 people
Аффилиация / Affiliation	Сотрудники вузов – 31 чел. Сотрудники РАН – 4 чел. / University employees – 31 people RAS employees – 4 people	Сотрудники вузов – 22 чел. Сотрудники РАН – 2 чел. / University employees – 22 people RAS employees – 2 people
Всего / Total	35 человек / 35 people	24 человека / 24 people

выделенных категорий. Подтверждаемость (*confirmability*) обеспечена сохранением полных транскриптов интервью и фокус-групп. Переносимость (*transferability*) достигается за счет детального описания контекста выборки (география, возраст, аффилиация), что позволяет читателю самостоятельно оценить возможность распространения выводов на схожие условия. Статистические тесты, измеряющие репрезентативность выборки, в качественном дизайне не применялись, поскольку выборка является целевой (не вероятностной), а целью исследования является выявление спектра нарративов, а не измерение их частотного распределения в генеральной совокупности.

Для анализа транскриптов был реализован комплексный подход, объединяющий методы компьютерной лингвистики, статистического анализа и машинного обучения. В качестве основного языка обработки данных выступил *Python*, а технологический стек включил ряд специализированных библиотек. Так, для морфологического анализа и лемматизации, т. е. приведения слов к начальной форме, что критически важно для русского языка с целью объединения различных словоформ (например, «экономикой» и «экономику») в единую смысловую единицу, использовался *PyMorphy3*. Библиотека *NLTK* применялась для токенизации, т. е. разбиения текста на предложения и слова, а также для фильтрации стоп-слов, представляющих собой шумовые единицы, не несущие смысловой нагрузки. Основным инструментом для векторизации текстов и реализации моделей машинного обучения, таких как *LDA* и *TF-IDF*, стал *Scikit-learn*. Наконец, для структурирования данных в таблицы и создания визуализаций, включая гистограммы частотности, задействовались библиотеки *Pandas* и *Matplotlib* с *Seaborn*.

После предварительной подготовки данных была рассчитана частота встречаемости биграмм и триграмм. Это позволило определить наиболее устойчивые словосочетания, отражающие смысловые конструкции высказываний участников опроса и фокус-групп (табл. 3–4).

Таблица 3. Топ-15 биграмм (парных словосочетаний)

Table 3. Top 15 bigrams (pair word combinations)

Словосочетание / Word combination	Частота / Frequency
Экономическая наука / Economic science	646
Экономическая идеология / Economic ideology	307
Экономическая свобода / Economic freedom	225
Экономическое развитие / Economic development	203
Российский экономический / Russian economic	182
Точка зрения / Point of view	156
Экономическое ограничение / Economic restriction	136
Экономический рост / Economic growth	123
Доминирующая идеология / Dominating ideology	118
Окружающая среда / Environment	115
Идеология экономики / Ideology of economy	112
Государственная политика / State policy	101
Экономическая политика / Economic policy	89
Экономическое неравенство / Economic inequality	88
Государственное вмешательство / State interference	88

Таблица 4. Топ-15 триграмм (смысловых цепочек)

Table 4. Top 15 trigrams (semantic chains)

Словосочетание / Word combination	Частота / Frequency
Российская экономическая наука / Russian economic science	166
Идеология экономическая наука / Ideology economic science	81
Защита окружающей среды / Environment protection	77
Цель экономической науки / Goal of economic science	71
Ограничение экономической свободы / Limiting economic freedom	71
Основа экономического решения / Basis of economic decision	69
Экономическое развитие России / Economic development of Russia	69
Должный лежать основа / Due underlie basis	67
Равномерное распределение богатства / Even distribution of wealth	67
Подверженный идеологическому влиянию / Subject to ideological impact	66
Идеология государственная политика / Ideology state policy	66
Лежать основа экономический / Underlie basis economic	66
Экономическое решение государства / Economic decision of the state	65
Мера равномерный распределение / Measure even distribution	65
Государственное вмешательство экономика / State interference economy	65

Анализ частот показывает, что в дискурсе участников исследований экономические вопросы неразрывно связаны с политико-идеологическими спорами. Дискурс сбалансирован между макроэкономическими целями (рост, развитие), институциональной ролью государства, ценностными дилеммами (свобода vs ограничение, равенство vs неравенство) и методологическими основаниями. При этом экологические и социальные аспекты

присутствуют, но уступают по частоте чистым экономическим и политэкономическим темам. Можно предположить, что респонденты склонны рассматривать экономику как поле идеологической борьбы, а не как нейтральную техническую область. Многие триграммы являются расширением биграмм (например, «российский экономический наука» развивает «экономическая наука» и «российский экономический»; «идеология экономический наука» – соединение двух биграмм).

Далее на основе модели *LDA* выделены восемь тематических блоков и подобраны доказательные цитаты для каждого блока. Тематический анализ качественных данных в контексте данной работы позволяет систематизировать высказывания информантов и показать на их основе, как теоретические нарративы связаны с различного рода высказываниями об идеологии.

1. Кризис и самоопределение российской экономической науки. Тема сфокусирована на поиске идентичности отечественной экономической науки в условиях глобальных вызовов. Обсуждается необходимость отхода от слепого копирования западных доктрин и формирование собственной повестки. И здесь важно понимать, какие научные школы и теоретические нарративы лежат в основе идентичности российской экономической науки. Также очень важно помнить, что популярна точка зрения, что не существует национальной науки, есть только «настоящая наука» и «имитация науки».

В дискурсе информантов (отечественных ученых) важное место занимает вопрос об изменениях в преподавании экономических дисциплин в контексте поиска идентичности как ответа на современные вызовы: «Идет процесс формирования нашей отечественной экономической и управленческой науки, в рамках которой появляются уже наши теории, появляются наши учебники. Это очень радует. И тут нам работы еще очень много предстоит, чтобы создавать и дальше развивать свою экономическую науку» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

Исследование идеологии в экономической науке, в частности, направлено на выявление разнообразия «ментальных моделей» и, следовательно, донаучных когнитивных актов, которые используют экономисты. В настоящее время, когда формируется «новый канон» отечественной экономической науки и образования, исследования идеологии и идей, циркулирующих в академической среде, становятся особенно актуальными: «Мы сейчас находимся на перепутье. То есть вот эта экономическая теория, которую раньше мы преподавали: макроэкономика и переводные учебники и так далее. Они сместили экономическое образование в одну сторону. А сейчас, мне кажется, наоборот, будет больше воспитательная функция, попытка наполнить экономическое образование какими-то патриотическими идеями. То есть мы на перепутье, пока ни то, ни другое еще не сделано» (кандидат наук, Москва, 70 лет).

«Состояние российской экономической науки... оно всегда непростое и противоречивое. С одной стороны, претензии на то, чтобы быть главной среди общественных наук и вырабатывать главные концепты для государственного регулирования. А с другой стороны... на практике гораздо более умеренная реализация этой позитивной функции, когда приходится не столько диктовать государственным и иным чиновникам, бюрократам, включая бизнес-бюрократов, что им надо делать, сколько выслушивать их претензии и пытаться поддаться под те дискурсы, которые они вырабатывают сами, мало зависимо от каких бы то ни было научных положений» (кандидат наук, Москва, 59 лет).

«Российская экономическая наука находится в таком периоде адаптации. Потому что события геополитические последних лет несколько изменили, так скажем, международную политику и выдвинули определенные вызовы к российской экономической науке. И, наверное, сейчас идет очередная такая волна, да, переосмысление в плане того, какой путь выберет российская экономическая наука. То есть если у нас была такая в большей степени ориентация на международные стандарты исследований, то вот сейчас, соответственно, опять возник вопрос: мы все-таки являемся частью мировой науки либо в большей степени ориентируемся на какие-то внутренние вопросы, процессы, внутренние исследования, какое-то сообщество экономистов, так скажем, внутри территории, либо все-таки мы стараемся быть частью какого-то такого глобального международного сообщества» (кандидат наук, Казань, 41 год).

Движение к осознанию идентичности российских экономистов во многом связано с историей постсоветского развития отечественных социальных наук: «На самом деле не думаю, что современное состояние сильно отличается от несовременного. Действительно, российская экономическая наука, наверное, находится, скажем так, в положении отстающего по отношению к мировой экономической науке. Наверное, это является не только в методах познания. Давно принято, что в России срисовывают методологию зарубежных

исследований, пытаются что-то повторить, что-то свое привнести. Но я думаю, что по всем параметрам: и в методологии, постановке вопросов в общем, и многом-многом другом – российская экономическая наука далеко не на лидирующих позициях» (кандидат наук, Москва, 35 лет).

Однако взаимодействие российской (советской) и западной экономической науки никогда полностью не прерывалось (Avtonomov, 2021). Проблема в том, что такое взаимодействие со стороны российской экономической науки во многом происходило по схеме «срисовывания методологии зарубежных исследований» без глубокого критического осмысления заимствований. Одним из следствий этого процесса стало снижение интереса в образовательном процессе к курсам по истории экономических учений и истории экономики. И если адаптация к тенденциям развития «мировой науки» приводит к созданию симулякра, который только затрудняет понимание современных сложных политико-экономических процессов (Ореховский, Разумов, 2025), то это только усложняет формирование конструктивной теоретической и идеологической повестки.

2. Идеологическая нейтральность vs ценностный подход. Семантическое ядро связано с борьбой между позитивистским взглядом на экономику как на «чистую» математическую науку и признанием ее неизбежной идеологизации. Данная тема относится к известному противоречию между объективностью экономических теорий, законов и моделей и искусственным (Саймон, 2004) социально сконструированным миром социальных взаимодействий (Бергер, Лукман, 1995). И хотя математизация экономической науки не всегда является однозначным признаком безусловной научности (Romer, 2015), она может использоваться как аргумент для оправдания деидеологизованности.

Информанты в целом разделяют точку зрения о неизбежном влиянии идеологии на современную экономическую науку, хотя часто с отрицательными коннотациями: «С моей точки зрения, идеология может быть как импульсом к развитию науки, так и тормозом. То есть мы говорим о том, что наука должна развиваться в рамках... Не то что мы говорим, а она в любом случае будет развиваться в рамках какой-то определенной идеологии, которая существует в той или иной экономической системе. Это безусловно так. Но именно этот аспект может быть иногда тормозом к развитию научного знания. Эти рамки, которые мы определяем при помощи идеологии, будут определять и тренды, и механизмы, и инструменты науки. Это не всегда хорошо, потому что тогда научное знание, научное познание будет этими рамками ограничиваться» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

Деидеологизация экономической науки связывается с ее формализованностью и широким использованием методов естественных наук, прежде всего математики: «Вспомнил слова Джона Стюарта Милля, который говорил: “Оставь дружелюбие всяк сюда входящий”. То есть речь идет о чистой экономической теории. Да, конечно же, экономическая теория, экономическая наука может быть без идеологии. Но тогда она будет какой? Она будет математизированной, она будет формальной. Она будет действительно чистой, фундаментальной экономической наукой. Но современную экономическую науку мы представить без идеологии, конечно же, не можем» (доктор наук, Махачкала, 58 лет).

Однако встречается и противоположная точка зрения, где математизация экономической науки рассматривается как одна из форм продвижения идеологических рамок: «Математизированная экономическая наука еще как идеологизирована. Потому что мы можем что-то формализовать, отбрасывая все остальное... Ну вот и все. А дальше там еще мы заложили какие-то свои идеи, свои представления, основные переменные факторы. Поэтому считать, что математизированная наука деидеологизирована, мне кажется, не совсем правильно» (доктор наук, Красноярск, 65 лет).

Восприятие идеологии как «донаучного когнитивного акта» встречает значительный отклик в дискурсах информантов, что позволяет сделать акцент на проблеме идеологических ограничений и объективности исследований: «Скорее всего, идеология формирует рамку, в которой мы осуществляем исследования. И, соответственно, идеология определяет цели, задачи нашего исследования. И вполне возможно, что экономическая наука не может существовать вне вот этой рамки. То есть мы, с одной стороны, как исследователи, должны быть объективны, готовы к любому результату, к интерпретации любого результата (кандидат наук, Красноярск, 52 года).

Отрицательное отношение к идеологии связано прежде всего с односторонним «идеологизированным» подходом к исследованиям: «Идеологизированность экономической мысли приводит к узколобости и невозможности или нежеланию смотреть на проблемы шире. Каноничный пример – это марксистская политэкономика, когда на все процессы или проблемы смотришь с точки зрения Карла Маркса, учения Карла Маркса.

И соответственно, все вписываешь, там, в формационный подход, или, как он там – политэкономический... И в этом смысле ты явление, которое не подходит под твой нарратив, под твою идеологию, просто отбрасываешь. У них просто не существует этой парадигмы» (кандидат наук, Рязань, 33 года). Однако в том случае, если идеологию невозможно элиминировать как «донаучный когнитивный акт» выявление влияния идеальных типов на постановку и решение исследовательских и образовательных проблем позволяет продвинуться в сторону системного понимания сложных хозяйственных процессов.

3. Социальная справедливость и неравенство. В данной теме основное внимание посвящено этическому измерению экономики: преодолению неравенства, механизмам распределения национального богатства и поиску «справедливого хозяйственного порядка».

Использование идеологически окрашенных теоретических нарративов характерно для современной экономической науки (Вольчик, Фурса, 2024). Одной из важнейших проблем, которая традиционно рассматривается через различные идеологические «ментальные рамки», является неравенство. В высказываниях информантов данная проблема также получила отражение: «Я два слова хотел бы сказать, какая идеология или комбинация идеологии необходима сегодня для современной России. Знаете, мне кажется, в условиях, когда у нас уровень дифференциации очень высокий в обществе, напрашивается все-таки идеология справедливости. Вот что у вас указано в основной ценности, идеология справедливости, т. е. некоторые социальные установки, социальный аспект, должны быть во главе угла современной идеологии нашего государства» (кандидат наук, Махачкала, 58 лет).

Проблема неравенства, безусловно, включена в более широкие контексты качества институтов, которые обеспечивают рост благосостояния и социальной защищенности населения: «При этом не вопрос в степени неравенства. Нас больше всего раздражает не степень неравенства богатства или в доходах... Неравенство и незащищенность перед насилием различных видов, неравенство положения. И это напрягает, потому что система “социального апартеида”, которая выстраивается, я думаю, будет очень сильно раздражать, что для разных сословий разные законы. Вот это русская мечта [снижение неравенства]. И да, здесь экономисты могли бы поспособствовать, чтобы она как-то реализовалась» (доктор наук, Москва, 60 лет).

«Идеальные типы идеологий связаны с различным восприятием ценностей учеными-экономистами, поэтому этический фактор важен при анализе социоэкономических проблем, особенно в переломные моменты истории: «Вы знаете, вот сегодня в нашем государстве основной упор делается на традиционной ценности, на это основной упор делает президент государства. И это верно, это хорошо. И одна из основных традиционных ценностей – это как раз-таки справедливость. Она нам очень нужна сегодня в нашем государстве, где есть неравноправие» (кандидат наук, Махачкала, 58 лет).

Доминирующие у исследователей идеологические предпочтения ведут к тому, что, рассматривая проблему неравенства, они акцентируют внимание на разных его аспектах. Например, информант указывает положительное влияние неравенства на экономическую мотивацию: «Экономическое неравенство... оно неизбежно. Так сказать, основа нашего развития, основа развития в принципе экономики... Если будет равенство, зачем я буду напрягаться?» (доктор наук, Томск, 48 лет). И наоборот, информант отмечает негативные аспекты неравенства, связанные со стабильностью развития: «Если государство не распределяет равномерно богатство, в конечном итоге этот нарыв выливается в революцию. То есть государство должно следить за этим. Пока у нас еще не сильно сформирован пласт предпринимателей. У нас и налоги, и поступления предприниматели платили 13 % или какой-то единый налог. Сейчас он дифференцированный, и, скорее всего, тренд на дифференциацию останется, потому что, действительно, богатства нужно перераспределять» (доктор наук, Казань, 46 лет).

4. Цивилизационная специфика России. Данная тема может рассматриваться как попытка осмысления уникальности российского пути развития, противопоставление универсальным западным моделям и поиск методов регулирования исходя из исторической и институциональной специфики.

Тематике особого пути посвящено много научной литературы. В среде экономистов концепт особого пути часто рассматривается через призму тупиковой ступени развития (Мамедов, 2011), неудачной модернизации (Травин, 2018) или реализации политики популизма (Тамбовцев, 2026).

В дискурсе информантов также присутствует отрицание особого пути, которое в неявной форме базируется на убеждении, что существует магистральный путь модернизации и экономического развития, а отклонения от этого пути связаны со случайными обстоятельствами: «Я думаю, нет никакого особого пути. Так складываются обстоятельства, и мы работаем с тем, что есть. Повторять чье-то или не чье-то, ну, если

это работает, то почему нет? А если мы смотрим и пробуем, а не получается? Особый путь. Я думаю, нет никакого особого пути. Есть какие-то, как это сказать, не факторы определяющие, а обстоятельства или даже не то, что случайности» (кандидат наук, Краснодар, 35 лет).

Современный интерес к идеологии особого пути основан на понимании важности междисциплинарного подхода при анализе закономерностей и возможностей экономического развития: «Ну, давайте опять же, когда мы говорим про особый путь и национальную идентичность, если раньше мы всегда говорили про те или иные модели управления экономикой: американскую, европейскую, японскую, то за последние 7–8 лет очень активно стал подниматься этот культурологический вопрос: где экономическая составляющая именно российской идентичности. Это что-то на пересечении экономики с культурой и ценностями, которые разделяемы на определенной территории, менталитете и т. д.» (кандидат наук, Сыктывкар, 46 лет).

Развитие российского хозяйственного порядка может связываться с проблематикой, где национальная экономика рассматривается через призму эволюционной траектории страны-цивилизации (Балацкий, 2022; Балацкий, Екимова, 2022). Поэтому многие модели развития необходимо знать, но формирование особого пути российской экономики должно быть основано на собственных прагматичных и адаптивных стратегиях: «Мы знаем много удачных примеров. Особый путь Японии, Южной Кореи. Мы знаем удачный пример новой экономической политики Рузвельта. Но опять же это ситуативные решения, которые, может быть, выиграли один раз, но во второй раз на другой почве та же самая идеология и политика, на ней построенная, уже не работают» (кандидат наук, Краснодар, 52 года).

«Наша страна уникальна своими особенностями. Мы можем брать опыт различных стран за основу. Есть какие-то определенные общие моменты для развития экономики той или иной страны, и мы можем учитывать этот опыт. Но никто не гарантирует, что применение тех же самых принципов будет точно так же отражаться на экономике нашей страны. Потому что страна уникальная, со своей историей, основными... своими особенностями построения бизнеса» (кандидат наук, Калининград, 34 года).

5. Экологическая ответственность и ESG-повестка связывают экономический рост с защитой окружающей среды. Семантика включает вопросы устойчивого развития и ответственности бизнеса перед будущими поколениями.

Экологическая повестка стала очень популярна в начале XXI в. Это позволило нам выделить идеальный тип экономической идеологии – экологизм. Более того, анализ научных публикаций показал, что в 2018–2023 гг. идеология экологизма была самой популярной (Вольчик, 2025). В дискурсе информантов также нашла подтверждение наша гипотеза о важности и значимости идеологической повестки экологизма в российской экономической науке: «Концепция экологизма, она достаточно широко сейчас представлена и в ESG-концепциях, и, собственно говоря, в теории устойчивого развития, которая тоже коррелирует с ESG-концепциями. Это то, что у нас было несколько лет назад очень модным... Я, кстати, иронизировала по поводу зеленых компетенций, но я считаю, что это тоже неплохо, потому что мы должны потом кому-то планету оставить незагаженную. Поэтому то, что мы их этому учим, – ну и пусть, и хорошо» (кандидат наук, Красноярск, 52 года).

Экологизм также рассматривается в широком смысле как особая точка зрения, которая акцентирует внимание на биологических основаниях человеческой деятельности: «Я бы отнесла и биологизм, потому что экология предполагает не только защиту и сохранение окружающей среды, но и сохранение человека в этой окружающей среде. Это материальная человеческая идентичность» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 57 лет).

Также отмечается, что идеология экологизма прочно вошла в различные государственные нормативные документы и программы развития, что обуславливает внимание исследователей к экологической повестке: «Концепция устойчивого развития как такая глобальная, мне кажется, сейчас активно набирает обороты, и просто отрадно видеть, что, допустим, когда составлялись стратегии развития городов, скажем, до 2000-х годов, то экология была не то чтобы под запретом, но казалось, это не та область, которой нужно уделять какое-то особое внимание. То есть сейчас во всех стратегиях развития так или иначе вопросы экологии, возобновляемых источников энергии, новых источников, альтернативных так или иначе присутствуют» (кандидат наук, Казань, 41 год).

6. Образование как фундамент экономической политики. Обсуждается взаимосвязь качества подготовки кадров с будущим ростом, роль университетов в формировании мировоззрения управленцев и преодолении догматизма.

В дискурсе информантов образование предстает не просто как трансляция готовых знаний, а как пространство, где сталкиваются различные идеологические установки – от стремления к «чистой» науке до признания неизбежной ценностной нагрузки, которую несет преподаватель. Особое внимание уделяется развитию критического мышления у студентов, позволяющего им распознавать идеологические фреймы и принимать взвешенные решения в условиях неопределенности. Один из респондентов акцентирует внимание на ключевой задаче образования – научить студентов анализировать любые утверждения с позиций независимой оценки, отделяя научное содержание от идеологических наслоений: «Наша задача – сформировать критическое мышление, чтобы студент наш, когда выпустился, мог на каком-то тезисе увидеть: его фреймируют, ему что-то навязывают. И он мог бы с теми знаниями, которые мы как преподаватели ему дали, это все адекватно оценить, есть там идеология, нет там идеологии. Но не знаю, возможно это или нет. Вы же всегда сами говорили, что важно формировать мышление» (кандидат наук, Ростов-на-Дону, 33 года).

Другой участник исследования, развивая эту мысль, подчеркивает, что решающее значение имеет не столько содержание учебных материалов, сколько личность преподавателя и его способность открыто обсуждать сложные вопросы без ухода от дискуссии. Он отмечает, что эффективность образовательного процесса напрямую зависит от гармонии между словами преподавателя и реальностью, воспринимаемой студентами: «Мне кажется даже, что не столько то, что написано или то, что мы изучаем, какой материал, а большое влияние оказывает – и мой опыт это показывает – сам преподаватель, его личность и смелость в интерпретации. То есть не избегать каких-то достаточно сложных вопросов, а идти на их объяснение и так далее. Если посмотреть общий средний состав преподавателей, то таких-то не так уж и много, которые могут выйти в аудиторию. Москва, Санкт-Петербург, я даже думаю, что и там не так это все благополучно обстоит. Поэтому получается, что либо студент видит то, что говорят преподаватели, и то, что вот он видит в окружающем мире, они в какой-то гармонии находятся. Либо он видит, что преподаватель уходит от вопросов, юлит и т. д. Поэтому что бы тот ни говорил идеологически – восприниматься не будет» (доктор наук, Красноярск, 65 лет).

Вместе с тем в высказываниях информантов звучит и классическая позиция о необходимости максимальной деидеологизации образования, особенно на этапе освоения фундаментальных теоретических дисциплин. Такой подход предполагает, что идеология должна присоединяться лишь на стадии практического применения, тогда как в учебной аудитории следует конструировать прежде всего мыслительный аппарат будущего специалиста: «Мне кажется, что в образовании идеологии не должно быть. По крайней мере, ее должно быть очень мало. Да, наука есть наука, наука должна быть, так же, как и у Милля: она должна быть чистой, она должна быть формальной, она должна быть математизированной, если эта наука настоящая. И в этой настоящей науке идеологию надо оставлять в сторону. А затем уже во время практической деятельности идеологи будут наращиваться. Главное сейчас в образовании – сконструировать мыслительный процесс у студента, сконструировать его как мыслящего человека» (кандидат наук, Махачкала, 58 лет).

7. Технологический суверенитет и инновационный рывок. Фокус на модернизации, импортозамещении и поиске внутренних драйверов роста для обеспечения независимости страны.

В дискурсе информантов технологический суверенитет часто связывается с традиционным для России нарративом о догоняющем развитии, что подчеркивает инерционность идеологических конструктов в инновационной сфере. Так, один из респондентов отмечает, что идеология инноваций сегодня пронизывает даже такие прикладные области, как государственные закупки, и становится устойчивым трендом: «Если говорить про “идеологию инноваций”, то это вообще российская практика догнать и перегнать в разных сферах. В том числе и в моей узкой теме – госзакупках, очень часто говорится про технологический суверенитет. Сейчас это тоже один из трендов» (кандидат наук, Сыктывкар, 46 лет).

Другой участник исследования расширяет эту трактовку, рассматривая технологический суверенитет не как изолированную задачу, а как неотъемлемый элемент целостной модели устойчивого развития, включающей институциональные, логистические и внешнеэкономические составляющие: «Речь идет о том, чтобы минимизировать влияние внешних факторов на экономическое развитие. Это целостная модель экономики: суды, технологический суверенитет, устойчивые внешнеэкономические связи, развитие инфраструктуры, логистические потоки, товарооборот и так далее. То есть вот модель, именно модель устойчивого развития. Не только как в концепции устойчивого развития ООН, которая сразу приходит на ум, а именно устойчивость как возможность противостоять внешним и внутренним угрозам. И качество жизни населения, конечно, это взаимосвязано» (доктор наук, Ставрополь, 58 лет).

Вместе с тем в высказываниях информантов звучит и сдержанно-критическая оценка перспектив инновационного рывка, связанная с циклической зависимостью российской экономики от внешней конъюнктуры. Респонденты указывают, что каждый кризис открывает окно возможностей для модернизации, однако последующее улучшение ценовой ситуации на сырьевых рынках неизменно снижает стимулы к структурным преобразованиям: «Каждый раз, когда возникает ситуация некоторого кризиса в нашей экономике, я говорю о том, что у России есть путь перейти на инновационный, вернее, есть возможность перейти на инновационный путь развития. Но каждый раз за этим следует повышение нефтяных цен, и нам уже не особенно нужны инновации» (доктор наук, Ростов-на-Дону, 76 лет).

8. Региональная специфика экономической политики. Отражает специфику развития различных территорий и взгляд регионов на федеральную политику. Обсуждается баланс между интересами центра и субъектов (Красноярск, Сыктывкар, Пермь и др.), а также учет локальных особенностей при формировании стратегий.

В дискурсе участников исследования региональная проблематика раскрывается через два взаимосвязанных аспекта: критику разрыва между теоретическими разработками и реальной практикой управления, а также через запрос на децентрализацию как необходимое условие эффективного развития. Информанты подчеркивают, что сложившаяся вертикальная иерархия и излишняя централизация препятствуют учету локальных особенностей и снижают ответственность регионов за результаты своей деятельности. Так, один из респондентов обращает внимание на отсутствие внятных исследований, покрывающих многие региональные проблемы, и констатирует несоответствие научных рекомендаций и административных решений: «В науке и в практике это разные вещи, к сожалению. Потому что в науке говорится одно, а в практике у нас реализуется другое. Например, я провожу региональные исследования, и выясняется, что большинство позиций и тем у нас просто не покрыты какими-то более-менее внятными исследованиями» (кандидат наук, Красноярск, 49 лет).

Другой участник интервью, развивая тему децентрализации, указывает на необходимость пересмотра существующей идеологии управления, которая, по его мнению, не готова к передаче полномочий на места: «Применительно к нашей стране это, конечно же, принципы децентрализации экономики, сегодня у нас экономика излишне централизована, вертикальная иерархия. Сегодня у нас все 89 субъектов, регионов, нуждаются в предоставлении максимума свободы. Ну предоставление свободы, конечно же, не ограничивается. Даже, точнее, должно ограничиваться повышением ответственности этих регионов за результаты деятельности, за уровень и качество жизни. Вот мне кажется, это тоже очень важный принцип и ценность для России, к которой пока еще наша власть не готова, нынешняя идеология, которая сегодня в стране господствует, не готова к децентрализации» (доктор наук, Махачкала, 58 лет).

Заключение

Исходя из шумпетерианской традиции понимания экономической идеологии ее влияние нельзя элиминировать. Таким образом, основной исследовательский вопрос состоит в определении спектра идеологического влияния на развитие современной экономической науки. В данном контексте мы рассматриваем темы, которые выделены в ходе качественного анализа как ориентиры для выявления тех или иных идеальных типов идеологий.

Перспективы развития российской экономической науки, по мнению самих ученых, связаны с двумя тезисами. Согласно первому тезису, который традиционен для «нормальной науки», развитие не может происходить «в вакууме» и должно учитывать мировые тенденции развития экономического знания. Второй тезис связан с осознанием важности самоопределения российской экономической науки в контексте осмысления проблем, релевантных прежде всего для эволюции российского хозяйственного порядка. Самой сложной задачей в плане определения перспектив российской экономической науки является выявление ориентиров исходя из дуализма эволюции научных школ и современных вызовов для российской экономики. И здесь исследование комбинаций идеологических идеальных типов может сочетаться с исследованиями теоретических нарративов, которые значимы для современных российских экономистов.

Привлечение внимания к влиянию идеальных типов идеологий на экономическое мышление важно для выработки конструктивной повестки для разработки программ стратегического развития и проведения реформ. В данной статье мы связываем разработку конструктивной повестки с адаптивным и прагматическим подходами, которые, с одной стороны, учитывают достижения современной экономической науки, а с дру-

гой – рассматривают траекторию развития российского хозяйственного порядка как страны-цивилизации, что связано с детальными исследованиями специфических институтов и социальных ценностей. Поэтому конструктивная идеологическая повестка неизбежно формируется как комбинация идеальных типов с доминированием ментальных моделей, которые в настоящее время лучше всего позволяют достигать понимания сложных неэргодических процессов в экономике.

В рамках поставленной цели исследования были рассмотрены основные тематические кластеры, отражающие идеологическое измерение российской экономической науки: кризис самоопределения и поиск национальной идентичности, противостояние идеологической нейтральности и ценностного подхода, проблемы социальной справедливости и неравенства, цивилизационная специфика России, экологическая ответственность, технологический суверенитет и региональные аспекты экономической политики. Предложенный подход к изучению идеологии как «донаучного когнитивного акта» и использование концепта адаптивной эффективности создают основу для выработки конструктивной повестки, которая не отрицает идеологического разнообразия, а использует его для более гибкого и прагматичного реагирования на меняющиеся условия.

Список литературы

- Автономов, В. С. (2026). О революциях и кризисах в экономической науке. *Вопросы экономики*, 4, 27–43. EDN: QIAPLN. DOI: 10.32609/0042-8736-2026-4-27-43
- Балацкий, Е. В. (2022). Россия в эпицентре геополитической турбулентности: гибридная война цивилизаций. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 15(6), 52–78. EDN: NHHQRV. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.3
- Балацкий, Е. В., Екимова, Н. А. (2022). Общественный договор в России: до и после 2022 года. *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 14(3), 74–90. EDN: FOTHWL. DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум.
- Ваньке, А., Полухина, Е., Стрельникова, А. (2025). *Как собрать данные в полевом качественном исследовании*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Вебер, М. (2016). *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии* (Т. 1). Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Вольчик, В. В. (2025). Дрейф идеологий в российской экономической науке. *Журнал институциональных исследований*, 17(2), 133–145. EDN: POLGLT. DOI: 10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145
- Вольчик, В. В., Кот, В. В. (2025). Реформы: фактор идеологии в свете российских научных публикаций. *Вопросы теоретической экономики*, 29(4), 20–35. EDN: RHAIFK. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_20_35
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В., Марьян, П. А., Скрябин, М. В. (2024). Эмпирическое исследование идеологической составляющей в российской экономической науке. *Journal of Institutional Studies*, 16(4), 42–59. EDN: CPKSVH. DOI: 10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059
- Вольчик, В. В., Фурса, Е. В. (2024). Идеология и теоретические нарративы в экономической науке. *Вопросы теоретической экономики*, 25(4), 7–21. EDN: GBYJBF. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21
- Квале, С. (2003). *Исследовательское интервью*. Москва: Смысл. EDN: QXGGCB
- Мамедов, О. Ю. (2011). Три императива цивилизованной экономики. *Terra Economicus*, 9(4). EDN: PUVNZF
- Манхейм, К. (2010). *Диагноз нашего времени*. Москва: РАО «Говорящая книга».
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала». EDN: YQDVYE
- Ореховский, П. А., Разумов, В. И. (2025). Экономическая теория «классной доски»: между реальностью и симулякром. *AlterEconomics*, 22(1), 40–53. EDN: KUVRII. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2025.22-1.4
- Полтерович, В. М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии. *Вопросы теоретической экономики*, 1, 55–65. EDN: YWIMXL
- Попов, В. В. (2025). *Китайская модель. Почему Китай отставал от Запада, а теперь его обгоняет*. Ереван: Fortis Press.
- Радаев, В. (2005). *Экономическая социология*. Москва: ГУ ВШЭ.
- Саймон, Г. (2004). *Науки об искусственном*. М.: Эдиториал УРСС. EDN: QWHHJX
- Тамбовцев, В. Л., Валитова, Л. А. (2025). Субъективное благосостояние как объект нарративного анализа. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 60–81. EDN: XIYXCY. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-4
- Тамбовцев, В. Л., Валитова, Л. А. (2026). Народная экономическая теория: анализ публичных нарративов. *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*, 61(1), 28–52. EDN: ZJATNI
- Тамбовцев, В. Л. (2026). Экономическая идеология «особого пути»: к причине разнообразия трактовок. *Journal of Institutional Studies*, 18(2), 6–19. EDN: PFUJZL. DOI: 10.17835/2076-6297.2026.18.2.006-019

- Травин, Д. Я. (2018). «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: YQYKXZ
- Шумпетер, Й. (2012). Наука и идеология. В кн. Д. Хаусман (ред.), *Философия экономики. Антология* (с. 247–264). Москва: Изд. Института Гайдара.
- Ядгаров, Я. С., Орлова, Д. Р. (2022). Векторы, этапы и проблемы формирования неортодоксальных оснований экономической науки. *Финансы: теория и практика*, 26(4), 245–266. EDN: ZRGUET. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-4-245-266
- Akerlof, G. A., & Dickens, W. T. (1982). The economic consequences of cognitive dissonance. *American Economic Review*, 72(3), 307–319.
- Amarante, V., Bucheli, M., & Pérez, T. (2026). Ideology and Economist's Views on Inequality and Discrimination: Evidence From Uruguay. *Kyklos*, Online First, kykl.70052. EDN: BCSQSB. DOI: 10.1111/KYKL.70052
- Acemoglu, D. (2023). Distorted Innovation: Does the Market Get the Direction of Technology Right? *AEA Papers and Proceedings*, 113, 1–28. EDN: MDCVCK. DOI: 10.1257/PANDP.20231000
- Avtonomov, V. S. (2021). West-Russia-West: The circulation of economic ideas. *Russian Journal of Economics*, 7(1), 1–8. EDN: QWMSFJ. DOI: 10.32609/JRUJE.7.66257
- Bénabou, R. (2008). Ideology. *NBER Working Paper*, 13907. <https://doi.org/10.3386/W13907>
- Enworo, O. C. (2023). Application of Guba and Lincoln's parallel criteria to assess trustworthiness of qualitative research on indigenous social protection systems. *Qualitative Research Journal*, 23(4), 372–384. EDN: BFPBVS. DOI: 10.1108/qjrj-08-2022-0116
- Gardner, H. S. (2022). Principles and Methods for Classification of Economic Systems and Comparing Their Economic Performance. In *The Routledge Handbook of Comparative Economic Systems* (pp. 167–182). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003144366-11>
- Heckathorn, D. D., & Cameron, C. J. (2017). Network Sampling: From Snowball and Multiplicity to Respondent-Driven Sampling. *Annual Review of Sociology*, 43, 101–119. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053556>
- Johnston, C. D., & Ollerenshaw, T. (2020). How different are cultural and economic ideology? *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 34, 94–101. EDN: WPETDP. DOI: 10.1016/J.COBEHA.2020.01.008
- Javdani, M., & Chang, H. J. (2023). Who said or what said? Estimating ideological bias in views among economists. *Cambridge Journal of Economics*, 47(2), 309–339. EDN: EYBMKS. DOI: 10.1093/CJE/BEAC071
- Klein, D. B. (2013). The ideological migration of the economics laureates: Introduction and overview. *Econ Journal Watch*, 10(3), 218–239.
- Lincoln, Y. S., & Guba, E. G. (1985). *Naturalistic Inquiry*. Sage Publications. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(85\)90062-8](https://doi.org/10.1016/0147-1767(85)90062-8)
- Martínez-Angulo, P., Rich-Ruiz, M., Jiménez-Mérida, M. R., & López-Quero, S. (2024). Active listening, shared decision-making and participation in care among older women and primary care nurses: a critical discourse analysis approach from a gender perspective. *BMC Nursing*, 23(1). EDN: VAEGPB. DOI: 10.1186/S12912-024-02086-6
- North, D. C. (1994). Economic performance through time. *The American Economic Review*, 84(3), 359–368. EDN: HEMVMD
- North, D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829484>
- Reinke, R. (2023). Power structures in economics and society: Some remarks on the future of non-mainstream economics. *Journal of Philosophical Economics*, XVI, 280–309. EDN: GVAZKC. DOI: 10.46298/JPE.11130
- Romer, P. M. (2015). Mathiness in the Theory of Economic Growth. *American Economic Review*, 105(5), 89–93. <https://doi.org/10.1257/aer.p20151066>
- Rosefielde, S. (2022). Economic Systems: Nature, Performance, Prospects. In *The Routledge Handbook of Comparative Economic Systems* (pp. 69–80). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003144366-5>
- Samuels, W. J. (1992). Ideology in Economics. *Essays on the Methodology and Discourse of Economics* (pp. 233–248). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-12371-1_12
- Shiller, R. J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, 41(3), 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>
- Watters, J. K., & Biernacki, P. (1989). Targeted sampling: Options for the study of hidden populations. *Social problems*, 36(4), 416–430. EDN: HKLUVF. DOI: 10.2307/800824
- Weber, I. M. (2021). *How China escaped shock therapy: The market reform debate*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429490125>

References

- Acemoglu, D. (2023). Distorted Innovation: Does the Market Get the Direction of Technology Right? *AEA Papers and Proceedings*, 113, 1–28. <https://doi.org/10.1257/PANDP.20231000>
- Akerlof, G. A., & Dickens, W. T. (1982). The economic consequences of cognitive dissonance. *American Economic Review*, 72(3), 307–319.

- Amarante, V., Bucheli, M., & Pérez, T. (2026). Ideology and Economist's Views on Inequality and Discrimination: Evidence From Uruguay. *Kyklos*, Online First, kykl.70052. <https://doi.org/10.1111/KYKL.70052>
- Autonomov, V. S. (2026). On revolutions and crises in economic science. *Voprosy Ekonomiki*, 4, 27–43. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2026-4-27-43>
- Avtonomov, V. S. (2021). West-Russia-West: The circulation of economic ideas. *Russian Journal of Economics*, 7(1), 1–8. <https://doi.org/10.32609/J.RUJE.7.66257>
- Balatsky, E. V. (2022). Russia at the epicenter of geopolitical turbulence: The hybrid war of civilizations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(6), 52–78. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.3>
- Balatsky, E. V., & Ekimova, N. A. (2022). Social contract in Russia: Before and after 2022. *Journal of Institutional Studies*, 14(3), 74–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2022.14.3.074-090>
- Bénabou, R. (2008). Ideology. *NBER Working Paper*, 13907. <https://doi.org/10.3386/W13907>
- Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.).
- Enworo, O. C. (2023). Application of Guba and Lincoln's parallel criteria to assess trustworthiness of qualitative research on indigenous social protection systems. *Qualitative Research Journal*, 23(4), 372–384. <https://doi.org/10.1108/qrj-08-2022-0116>
- Gardner, H. S. (2022). Principles and Methods for Classification of Economic Systems and Comparing Their Economic Performance. In *The Routledge Handbook of Comparative Economic Systems* (pp. 167–182). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003144366-11>
- Heckathorn, D. D., & Cameron, C. J. (2017). Network Sampling: From Snowball and Multiplicity to Respondent-Driven Sampling. *Annual Review of Sociology*, 43, 101–119. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-060116-053556>
- Javdani, M., & Chang, H. J. (2023). Who said or what said? Estimating ideological bias in views among economists. *Cambridge Journal of Economics*, 47(2), 309–339. <https://doi.org/10.1093/CJE/BEAC071>
- Johnston, C. D., & Ollerenshaw, T. (2020). How different are cultural and economic ideology? *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 34, 94–101. <https://doi.org/10.1016/J.COBEHA.2020.01.008>
- Klein, D. B. (2013). The ideological migration of the economics laureates: Introduction and overview. *Econ Journal Watch*, 10(3), 218–239.
- Kvale, S. (2003). *Research interview*. Moscow: Smysl. (In Russ.).
- Lincoln, Y. S., & Guba, E. G. (1985). *Naturalistic Inquiry*. Sage Publications. [https://doi.org/10.1016/0147-1767\(85\)90062-8](https://doi.org/10.1016/0147-1767(85)90062-8)
- Mamedov, O. Yu. (2011). Three imperatives civilized economy. *Terra Economicus*, 9(4). (In Russ.).
- Mannheim, K. (2010). *Diagnosis of our time*. Moscow: RAO Govoryashchaya Kniga. (In Russ.).
- Martínez-Angulo, P., Rich-Ruiz, M., Jiménez-Mérida, M. R., & López-Quero, S. (2024). Active listening, shared decision-making and participation in care among older women and primary care nurses: a critical discourse analysis approach from a gender perspective. *BMC Nursing*, 23(1). <https://doi.org/10.1186/s12912-024-02086-6>
- North, D. (1997). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Fond Ekonomicheskoy Knigi "Nachala". (In Russ.).
- North, D. C. (1994). Economic performance through time. *The American Economic Review*, 84(3), 359–368.
- North, D. C. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829484>
- Orekhovsky, P. A., & Razumov, V. I. (2025). Economic theory of the "classboard": between reality and simulacrum. *AlterEconomics*, 22(1), 40–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.31063/altereconomics/2025.22-1.4>
- Polterovich, V. M. (2017). Developing strategies for socio-economic development: science versus ideology. *Issues of Economic Theory*, 1, 55–65. (In Russ.).
- Popov, V. V. (2025). *Chinese model. Why China lagged behind the West and is now overtaking it*. Yerevan: Fortis Press. (In Russ.).
- Radaev, V. (2005). *Economic sociology*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Reinke, R. (2023). Power structures in economics and society: Some remarks on the future of non-mainstream economics. *Journal of Philosophical Economics*, XVI, 280–309. <https://doi.org/10.46298/jpe.11130>
- Romer, P. M. (2015). Mathiness in the Theory of Economic Growth. *American Economic Review*, 105(5), 89–93. <https://doi.org/10.1257/aer.p20151066>
- Rosefielde, S. (2022). Economic Systems: Nature, Performance, Prospects. In *The Routledge Handbook of Comparative Economic Systems* (pp. 69–80). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003144366-5>
- Samuels, W. J. (1992). Ideology in Economics. *Essays on the Methodology and Discourse of Economics* (pp. 233–248). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-1-349-12371-1_12
- Schumpeter, J. (2012). Science and Ideology. In D. Hausman (ed.), *The Philosophy of Economics: An Anthology* (pp. 247–264). Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russ.).
- Shiller, R. J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, 41(3), 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.015>
- Simon, H. (2004). The sciences of the artificial. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
- Tambovtsev, V. L. (2026). The economic ideology of the "special path": The Reason for the Diversity of Interpretations. *Journal of Institutional Studies*, 18(2), 6–19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2026.18.2.006-019>

- Tambovtsev, V. L., & Valitova, L. A. (2025). Subjective well-being as a unit for narrative analysis. *Moscow University Economics Bulletin*, 60(1), 60–81. (In Russ.).
- Tambovtsev, V. L., & Valitova, L. A. (2026). Folk economics: the analysis of public narratives. *Moscow University Economics Bulletin*, 61(1), 28–52. (In Russ.).
- Travin, D. Ya. (2018). *Russian sonderweg ("special path"): from Dostoevsky to Konchalovsky*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (In Russ.).
- Vanke, A., Polukhina, E., & Strelnikova, A. (2025). *How to collect data in a field qualitative study*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Volchik, V. V. (2025). Ideological drift in Russian economic science. *Journal of Institutional Studies*, 17(2), 133–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145>
- Volchik, V. V., & Fursa, E. V. (2024). Ideology and theoretical narratives in economic science. *Issues of Economic Theory*, 25(4), 7–21. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2024_4_7_21
- Volchik, V. V., & Kot, V. V. (2025). Reforms: the factor of ideology in the light of Russian scientific publications. *Issues of Economic Theory*, 29(4), 20–35. (In Russ.). https://doi.org/10.52342/2587-7666vte_2025_4_20_35
- Volchik, V. V., Maslyukova, E. V., Marian, P. A., & Skryabin, M. V. (2024). An empirical study of the ideological component in Russian economic science. *Journal of Institutional Studies*, 16(4), 42–59. (In Russ.). <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.4.042-059>
- Watters, J. K., & Biernacki, P. (1989). Targeted sampling: Options for the study of hidden populations. *Social problems*, 36(4), 416–430. <https://doi.org/10.2307/800824>
- Weber, I. M. (2021). *How China escaped shock therapy: The market reform debate*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429490125>
- Weber, M. (2016). *Economy and society*. (Vol. 1). Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
- Yadgarov, Ya. S., & Orlova, D. R. (2022). Vectors, stages and problems of nonorthodox foundations of economic science formation. *Finance: Theory and Practice*, 26(4), 245–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-4-245-266>

Вклад авторов

Оба автора внесли равный вклад в написание статьи на всех этапах исследования.

The author's contributions

Both authors contributed equally into writing the paper at all stages of the research.

Информация об использовании искусственного интеллекта

ИИ не использовался.

Information about the use of artificial intelligence

AI was not used.

Конфликт интересов / Conflict of Interest

Один из авторов (В. В. Вольчик) является членом редколлегии журнала *Russian Journal of Economics and Law*. Статья прошла рецензирование на общих основаниях / One of the authors (V. V. Volchik) is a member of the Editorial Board of the *Russian Journal of Economics and Law*. The article has been reviewed on the usual terms.

История статьи / Article history

Дата поступления / Received 12.06.2026

Дата одобрения после рецензирования / Date of approval after reviewing 27.07.2026

Дата принятия в печать / Accepted 25.08.2026